

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
P39

Winter Renshaw
P.S. I MISS YOU

Copyright © Winter Renshaw, 2018
This edition published by arrangement with Taryn Fagerness
Agency and Synopsis Literary Agency

Реншоу, Уинтер.

P39 P.S. I Miss You. Я по тебе скучаю / Уинтер Реншоу ;
[перевод с английского М. В. Авдониной]. — Москва :
Эксмо, 2020. — 384 с. — (Freedom. Чувственная проза
Уинтер Реншоу).

ISBN 978-5-04-111544-9

От автора бестселлеров «Wall Street Journal» и Amazon.com
Дорогая Мелроуз!

Когда я впервые встретил тебя, ты была просто незнакомой
девушкой. Потом ты стала моей соседкой. А чуть позже дала понять,
что станешь для меня самой большой занозой в боку, какую
я когда-либо мог словить.

Ты слишком громко пела в душевой и тратила на себя всю
горячую воду.

Ты была чертовски напориста.

Ты делала мою жизнь сложной во всех отношениях.

Но, как бы я ни пытался, я не могу перестать думать о тебе.

Сказать по правде... я не могу перестать желать тебя.

Я собирался сказать тебе это.

Собирался отринуть свою гордость, все недомолвки и показать
тебе ту часть моего «я», которую прежде не видел никто.

Но потом было признание, меняющее всё, взрыв такой силы,
что я не смог ничего изменить.

Я до сих пор не понимаю, как я не предвидел этого.

Саттер

P.S. Я по тебе скучаю.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Авдониная М.В., перевод
на русский язык, 2020
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-111544-9

Она была не для каждого,
она была для меня.
АТТИКУС

ПРОЛОГ

Дорогая Мелроуз!

Когда я впервые встретил тебя, ты была просто незнакомой девушкой. Потом ты стала моей соседкой. А чуть позже дала понять, что станешь для меня самой большой занозой в боку, какую я когда-либо мог словить.

Ты слишком громко пела в душевой и трапила на себя всю горячую воду.

Ты была чертовски напориста.

Ты делала мою жизнь сложной во всех отношениях.

Но, как бы я ни пытался, я не могу перестать думать о тебе.

Сказать по правде... я не могу перестать желать тебя.

Я собирался сказать тебе это. Собирался отринуть свою гордость, все недомолвки и показать тебе ту часть моего «я», которую прежде не видел никто... Но потом было признание, которое словно взрыв все уничтожило.

Я до сих пор не понимаю, как я не предвидел этого.

Саттер

P.S. Я по тебе скучаю.

Глава 1

МЕЛРОУЗ

Я играла девушку, выгуливающую собак, в одной из серий «Уилла и Грейс».

Хозяйку кондитерской в каком-то фильме для канала «Lifetime».

Младшую сестру Райана Гослинга в инди-короткометражке, которая так и не вышла на экраны.

Жертву № 2 в одной из серий восемнадцатого сезона «Закона и порядка».

Но сегодня у меня самая сложная роль из всех: в реалити-шоу без камеры, именуемом «Девушка, всю жизнь обожает своего лучшего друга», Мелроуз Клейборн в роли... Мелроуз Клейборн.

Остановившись перед бунгало Ника Кэмдена в Студио-Сити, я расправляю плечи, приглаживаю свои белокурые волосы и нажимаю указательным пальцем на кнопку звон-

ка. Сердце колотится с такой силой, что мне кажется, будто оно выпадет и рухнет на пол, едва Ник откроет дверь — но я надеюсь, что бабочки, трепещущие в моем животе, успеют перехватить падающее сердце.

Он оказывает на меня такой эффект.

Каждый. Чертов. Раз.

И это о многом говорит, потому что меня не так-то легко заставить нервничать или выбить из колеи. Но мое чувство к нему с годами только крепло и, оставаясь безответным, становилось все сильнее.

Но вчера вечером, ни с того ни с сего, Ник позвонил мне — и это странно, потому что он никогда не звонит, только пишет сообщения. Он настолько не любит телефонные звонки, что на его телефоне постоянно включена вибрация, и его автоответчик переполнен голосовыми сообщениями за шесть с половиной лет.

— Мел, мне нужно поговорить с тобой завтра, — сказал он едва ли не с волнением. Но в его голосе слышался намек на улыбку, на странное веселье. — Это очень важно.

— Ник, ты пугаешь меня, — ответила я ему, гадая, не подбросил ли кто-нибудь ему в выпивку какой-нибудь наркотик, отчего

Ник сейчас не в себе. — Просто скажи, раз уж позвонил.

— Я должен сказать тебе это лично. И должен спросить у тебя кое-что дико важное, — сказал он. — О боже, это просто безумие. Я невероятно нервничаю, Мел. Но я скажу тебе сразу же, как только ты приедешь сюда завтра. Я уже давно хотел тебе об этом сказать, но не мог. Не мог до сего момента. Но теперь могу. И я не могу больше ждать. Это важно, Мел. Это... о боже.

— Ник... — Я расхаживала по своей спальне, прижав левую руку ко лбу. За все время нашей дружбы — почти двадцать лет — я никогда не слышала, чтобы Ник был так взволнован. — Ты не можешь просто сказать мне сейчас?

— Приходи завтра, часа в три, — ответил он. — Об этом нужно беседовать лично.

Я еще раз звоню в дверь, потом проверяю время на телефоне. Подавив зевок, я поднимаюсь на цыпочки и пытаюсь заглянуть внутрь сквозь стеклянные боковые панели двери. Зная Ника, я могу предположить, что он передумал или выскочил за буррито, встретил кого-нибудь знакомого и увлекся разговором.

Но, с другой стороны... он так настаивал на том, что должен лично поговорить со мной в три часа об этой «дико важной» вещи. Вряд ли он мог о таком забыть.

Всю ночь я вертелась в постели, пытаюсь догадаться, что это могло бы быть. Странно, как можно знать человека настолько долго и при этом самым прискорбным образом не понимать его.

Во времена моего детства Ник жил по соседству, и мы с ним были неразлучны с того дня, как его семья переехала в наш район. Я познакомилась с ним у ручья, где он ловил лягушек — и я едва ли не силой заставила его отпустить их на волю. К вечеру мы сообразили, что его комната расположена на втором этаже — и моя тоже, только в нашем доме, так что можно подавать сигналы через окно. А к концу недели он подарил мне портативную рацию и сказал, что я его лучший друг.

Когда нам было по десять лет, он преподнес мне «подвеску дружбы» — вроде тех, которые девочки обычно дарят другим девочкам. Он отдал мне половинку с надписью «лучший», а сам носил ту, на которой было

написано «друг», но всегда прятал ее под рубашкой, чтобы никто не распускал сплетни — впрочем, кто-то стал бы их распускать.

Ника любили все.

Летом, после окончания седьмого класса, Ник резко повзрослел, и все изменилось.

Его голос стал ниже.

Его ноги сделались длиннее.

Даже черты его лица стали более четкими и выразительными.

Он словно вырос за пару месяцев, и я поняла, что смотрю на него так, как не смотрела никогда прежде. А когда ночью закрыла глаза, то обнаружила, что думаю о том, каково было бы целоваться с ним.

До того я могла прибежать в соседний двор с неаккуратно собранными в хвост волосами и спросить, не хочет ли Ник покататься на велосипеде... и буквально на следующий день я уже стала тщательно причесывать волосы и наносить на губы мятный бальзам перед каждой встречей с ним.

Я вдруг поняла, что не могу смотреть на него, не краснея при этом.

К несчастью, стремительное преобразование Ника заметила не только я.

Дверь распахивается с коротким скрипом, и я даже не успеваю осознать, что происходит, когда Ник сгребает меня в охапку и кружит по крыльцу своего съемного бунгало.

— Мелли! — Он утыкается лицом мне в плечо и сжимает меня так сильно, что я не могу дышать, а бабочки у меня в животе едва не превращаются в кашу.

Я вдыхаю неизменный запах Ника, тот самый запах, который всегда вызывал у меня ощущение дома. Что-то похожее на едва заметный след табачного дыма, дешевого кондиционера для ткани и мыла «Irish Spring».

Ник вырос в Brentwude, он был сыном успешной сценаристки и не менее успешного композитора и мог бы без труда получить все — как в материальном, так и в профессиональном плане. Связи его родителей могли бы посрамить самого Стивена Спилберга.

Но Ник всегда желал быть обычным человеком, самостоятельно зарабатывающим на жизнь, и я уважала его за это.

— Ты только глянь на себя, — говорит он, ставя меня наземь. Он продолжает держать меня за руки, окидывая меня с головы до ног взглядом своих невероятных синих глаз. — Я уже несколько месяцев тебя не видел.

Три месяца, две недели и пять дней — но кто будет считать?

В прошлый раз мы встречались на моем дне рождения, и у барной стойки было столько народа, что я за весь вечер едва смогла обменяться с ним парой фраз. Мы договорились погулять с ним в следующие выходные после того дня, но его группа умчалась выступать в Вегас, а за день до его возвращения я уехала в Ванкувер на съемки фильма.

Это было какое-то вечное невезение: жизнь постоянно разводила нас в разные стороны в самое неподходящее время.

— Как тебе нравится это жилище? — спрашивает он, ведя меня в дом. Мои легкие наполняет запах моющего средства и стирального порошка, через спинку кожаного кресла в гостиной перекинут сложенный плед.

Я хмыкаю при мысли о том, что Ник перед моим приходом занимался уборкой. В юные годы он всегда был неряхой. Хотите пример? Как-то раз я споткнулась о его кроссовки, входя в его спальню, и едва не выбила себе передний зуб, падая на неаккуратную стопку виниловых пластинок. К счастью, мое падение смягчил пустой чехол от его гитары, но на следующий день Ник купил подставку для обуви.

— Нравится, — отвечаю я, осматривая его бунгало. В прошлый раз, когда я видела его, он жил в какой-то квартире в Толука-Лейк с четырьмя соседями. А до того сожительствовал с какой-то инстаграм-моделью по имени Кейденс Сент-Килда, но эти отношения оказались короткими, поскольку девушка желала заполучить его целиком и полностью, а этого Ник не мог дать никому — и я знала об этом. — Когда ты переехал сюда?

— В прошлом месяце, — отвечает он. — Взял в субаренду у кузена нашего барабанщика.

Звяканье кастрюль и сковородок на кухне свидетельствует о том, что мы не одни, но меня это не удивляет. У Ника всегда были соседи. Он отчаянный экстраверт. Он не может оставаться один дольше, чем на пять минут, но в этом нет ни назойливости, ни навязчивости. Скорее это проявление некой харизмы, вечной жизни на вечеринке и готовности хорошо провести время.

Я вслед за Ником прохожу в гостиную, и он указывает мне на центральную подушку кожаного дивана коньячного цвета. Потом начинает расхаживать по небольшой комнате, энергично потирая ладони.

— Ник, — со смехом говорю я, — ты ведешь себя как сумасшедший... ты это знаешь, да?

Его взгляд останавливается на мне, он на несколько секунд прекращает расхаживать.

— Я адски нервничаю.

— Тебе не нужно нервничать, когда ты рядом со мной. Никогда.

— Это другое. — Он снова останавливается на пару секунд. — Это то, о чем я никогда прежде тебе не говорил.

«О боже».

Мое сердце трепещет, и некая давно погребенная надежда прокладывает себе путь наружу, заставляя мои губы растянуться в улыбке — но я подавляю эту улыбку.

Я ни за что не признала бы этого вслух, но минувшей ночью изрядная часть моей души поверила в то, что Ник затеял это все ради того, чтобы сказать: он питает ко мне некие чувства и хочет встречаться со мной.

Это абсурдная идея, знаю.

Подобные вещи не происходят ни с того ни с сего.

Я не наивна, и я не идиотка. Я знаю, как малы шансы на то, что мой лучший друг, не видящий меня по многу месяцев, неожиданно восплачет ко мне любовью. Эти шансы, чест-